

Социально-экономические факторы борьбы за независимость США

Григорьев Л.М.

Григорьев Леонид Маркович — к.э.н., ординарный профессор, научный руководитель департамента мировой экономики НИУ ВШЭ, заведующий сектором структурных проблем мировой экономики ЦКЕМИ.

SPIN РИНЦ: 8683-3549

ORCID: 0000-0003-3891-7060

ResearcherID: K-5517-2014

Scopus AuthorID: 56471831500

Для цитирования: Григорьев Л.М. Социально-экономические факторы борьбы за независимость США // Современная мировая экономика. 2025. Том 3. №2 (10). EDN: C1CBCI

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2025-3-2-6-26>

Ключевые слова: экономическая история США, независимость США, миграция, колониальная экономика, рабство.

Аннотация

Американская революция прошла сложный путь, военные и политические события которого хорошо задокументированы. Данная статья посвящена социально-экономическим аспектам процесса разрыва тринадцати американских колоний с Британской империей. К этому моменту колонии достигли уровня развития, сопоставимого с метрополией. Население росло посредством переселения из Европы активных элементов, стремившихся освободиться от феодальных и религиозных ограничений, а также массовым ввозом сервентов (белых временных рабов по контрактам) и рабов из Африки. Колонии имели существенные различия в структуре экономики и вели активную торговлю промышленными товарами с метрополией. На Юге высокое развитие плантационного сельского хозяйства на основе рабского труда сохранилось до самой Гражданской войны. Свободолюбие колонистов, неудачные действия британского правительства вызвали конфликт, который вылился в принятие колонистами в 1776 г. Декларации независимости. Вооруженные действия американских повстанцев под руководством Дж. Вашингтона поддерживались французской короной, сначала секретными поставками вооружений и снаряжения. Вступление Франции

в войну против Великобритании и боевые действия между двумя европейскими державами на Североамериканском континенте сыграли важную роль в победе повстанческих сил в 1781 г. Создание нового государства на основах демократии и свободного предпринимательства привело к быстрому экономическому развитию, хотя сохранило рабство еще на несколько поколений.

Введение

В 2026 г. состоится 250-летие подписания Декларации независимости — ключевого события истории США. Американская революция — это исторический шаг, который изменил историю мира не только в моменте, но и накопленным итогом вплоть до наших дней. В массовом представлении те времена воспринимаются как героическая сага освобождения колонистов от гнета Британской империи. Мы выражаем глубокое уважение свободолюбию американских колонистов и борьбе их лидеров во главе с Дж. Вашингтоном. Политическая история США, по нашему мнению, блестяще трактована В.В. Согриным [Согрин 2011]. Мы полагаем возможным взглянуть на чрезвычайно сложные и интересные социально-экономические аспекты борьбы США за независимость, особенно на институциональную подоплеку интересов, ограничений и мотивов происходивших во второй половине XVIII в. событий.

В этой статье мы остановимся на важных аспектах развития мира европейских переселенцев в Северной Америке в процессе развертывания борьбы за независимость и формирования США. Отметим вслед за Согриным, что в процесс освобождения от Британской империи новое государство прошло «двойную революцию»: создание государства и ликвидацию феодальных пережитков [Согрин 2013. С. 42]. Важнейшим результатом этой революции стал запуск процесса постепенного захвата новым государством целого континента с первоклассными ресурсами, относительно слабым сопротивлением коренного населения и возможностью широкого использования рабского труда. С точки зрения новой институциональной экономической теории это был грандиозный эксперимент по зачистке феодальных и иных трансакционных издержек [Hallwood, Ponivas 2009]. Финансирование революции осуществлялось за счет огромного энтузиазма восставших, выпуска новых денег, а также немалого вклада французской короны в войну с Англией в Северной Америке.

Успех всего предприятия не должен затенять реальных проблем процесса развития нового государства, в том числе и тех, которые не вполне решены до сих пор. Колонисты были либералами и демократами по стандартам своего времени, что, однако, не исключало их терпимости к рабству и расовой сегрегации. Независимость от Британской империи превратилась де-факто в право на овладение всем Североамериканским континентом, что до сих пор возвращается в виде приглашения Канады и Гренландии в состав США президентом Д. Трампом. Наличие природ-

ных и экономических условий для плантационного сельского хозяйства привело к развитию института рабства. Создание колонистами из передовой Европы своего государства на другом континенте (European offshoot) не включало признания прав индейцев и отмены рабства, особенно для людей африканского происхождения. Это создало моральные и социальные проблемы, которые, по-видимому, так и не решены до конца по сей день.

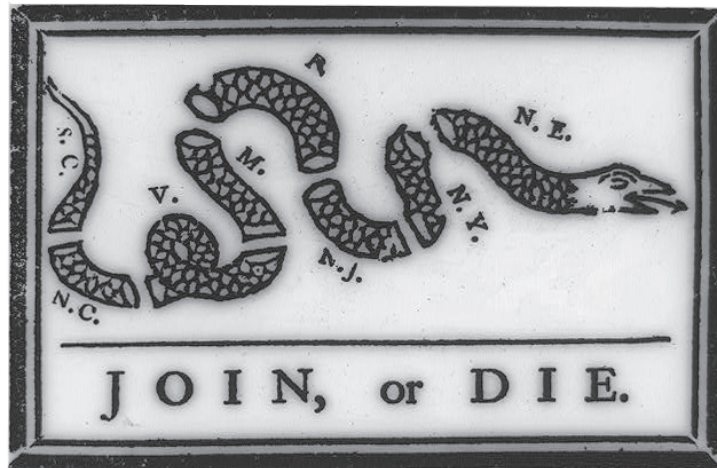
1. Территория и ее население — институциональный рай против европейского феодализма

История возникновения британских колоний в Северной Америке

Британские колонии, провозгласившие в конечном итоге независимость от Великобритании и образовавшие Соединенные Штаты Америки, были основаны вдоль восточного побережья нынешних Соединенных Штатов различными актами Британской империи между 1607 и 1733 гг. Первой колонией была Вирджиния, основанная в 1607 г. одноименной британской компанией. Затем последовали Массачусетс (1620), Плимут (1620), Коннектикут (1636), Род-Айленд (1636), Нью-Гэмпшир (1638), Нью-Йорк (1664), Нью-Джерси (1664), Пенсильвания (1681), Делавэр (1704), Каролина (1712), Джорджия (1732) и Мэриленд (1632). Каждая из этих колоний имела свои особенности и историю, но общим для них было то, что все они были созданы британскими колонистами, с участием французов (гугенотов), немцев и голландцев, и стали частью Британской империи¹. Америка была открыта Колумбом заново (после викингов) почти за три века до освобождения североамериканских колоний от Великобритании. Все это время солдаты, чиновники, авантюристы и подневольные бедняки (отчасти с криминальным прошлым) постепенно заселяли два обширных континента, вытесняя коренное население. Распространение европейских государств (European offshoots) на Американском континенте характеризовалось избиением элит местных племен и государств, грабежом и эксплуатацией индейского населения, что в общем хорошо известно и не требует дополнительного освещения в данной статье.

Экономическое развитие переселенческих общин из европейских метрополий в Новом Свете сопровождалось резким сокращением коренного населения американских континентов от болезней и прямых вооруженных действий, эксплуатации (особенно в Латинской Америке), «расчистки» и прямого изгнания туземного населения (в Северной Америке). Современные нам оценки указывают на сокращение исконного населения обеих Америк на 90% с нескольких десятков миллионов в доколумбову эпоху до всего нескольких миллионов на оба континента [Denevan 1992]. Фактически это означало, что местные племена в период активной колонизации и освоения пространств Северной Америки не могли противостоять массовой иммиграции людей, решившихся на радикальную перемену в своей жизни, смену континента и обладающих передовыми вооружениями.

¹ <https://usa.one/2023/04/kak-sformirovalis-13-kolonij-ssha/?ysclid=lrqoqi45y561174796>

Рисунок 1. Британские колонии в Северной Америке

«Объединимся или умрем» – знаменитая карикатура Бенджамина Франклина (1754). Изображает расчлененную змею, части которой от головы до хвоста соответствовали расположению британских колоний в Америке с севера на юг вдоль атлантического побережья. На карикатуре не все колонии, четыре представлены вместе головой змеи и обозначены как Новая Англия (N.E.), остальные фрагменты изображают Нью-Йорк (N.Y.), Нью-Джерси (N.J.), Пенсильванию (P.), Мэриленд (M.), Вирджинию (V.), Северную и Южную Каролину (N.C. и S.C.).

Европейская теснота, ограниченный доступ к земле при росте населения ранее толкали европейских христиан в походы на Ближний Восток под религиозными знаменами. С XV в. освоение новых пространств началось государствами с поисков дороги в Индию, потом просто золота и иных ресурсов в разных частях света. Мы бы учли также потребность части людей – авантюристов по природе – в приключениях. Освоение Западного полушария из Европы, в данном случае из Великобритании, служило для колоний источником рабочей силы, потом инноваций, культурных кодов, сохранившихся и в будущих поколениях. Не претендуя на полноту картины, отметим также важность узких религиозных групп (сект) вроде гугенотов, которых французское правительство выдало из страны. Сочетание большой власти с отсутствием долгосрочного видения развития страны – весьма распространенное явление в Европе и не только – еще долго было причиной то гонений на национальные и религиозные меньшинства, то причиной эксплуатации. Феодалные пережитки – ограниченность доступа к земле или к государственной службе – стимулировали миграцию активной части населения. Но были и специфические причины, и способы переселения – выселение в колонии преступников, безнадежных бедняков и сервентов (контрактных «холопов» по-русски). Отъезд военных и чиновников для службы в колониях мог вести к личному обогащению с последующим возвратом в метрополию. Британская империя решала экспортом бедного населения сразу несколько проблем: заселение колоний и обеспечение их рабочей силой, а также сокращение расходов на социальное обеспечение и правопорядок в метрополии (включая вывоз преступников). В Америке вновь прибыв-

шие вступали в конкуренцию с местным населением. Уже в Семилетнюю войну (1756–1763) индейские племена довольно активно принимали участие в боевых действиях на стороне французов — проблема давления колонистов на территории коренного населения уже сказывалась.

Система рабства в США изначально была создана для работников любого происхождения. В христианских колониях рабы были нормальным явлением с самого начала переселения. Некоторые историки оценивают вес сервентов среди белых иммигрантов за период от миграции пуритан в 1620-е до революции от половины до двух третей [Galenson 1984]. «Протестант-рабовладелец» звучит несколько неожиданно, но показывает возможность совмещения столь контрастных моральных норм в рамках одной системы культурных кодов.

Империя создала институт дешевого заселения колоний, в котором перевоз в один конец стоил 5–6 фунтов стерлингов. Этот тип переселенцев по тогдашнему праву был близок к рабам. В долгосрочном плане этим решались также вопросы заселения, но ввоз африканских рабов имел то преимущество, что их трудовая повинность была вечной, а не истекала через 3–7 лет. Африканские рабы в дальнейшем заменили импорт белых рабов, которые стали частью нового коренного населения [Galenson 1984].

2. Экономика колоний до революции

Перед борьбой за независимость, как считают исследователи того периода, уровень благосостояния белых свободных жителей колоний был даже выше, чем в среднем в метрополии. Хотя это преимущество было потеряно за годы конфликта, позднее оно в общем восстановилось [Lindert, Williamson 1977]. Социальная структура населения колоний определялась размерами земельных владений. 10% наиболее состоятельных жителей колоний, по оценкам, имели порядка 45% активов (в северных колониях). В целом наблюдались огромные различия по колониям (штатам) и графствам. Средние слои состояли из фермеров и горожан, а нижние слои были представлены бедняками, белыми сервентами и африканскими рабами [Main 1965. Р. 41, 47, 52]. Последних было больше на Юге. Развитие плантационного рабства стартовало с численного преобладания белых рабов по контракту («контрактные холопы») над африканскими рабами. Последние были дороже, но без окончания контракта, так что постепенно стали более массовой рабочей силой [The General Report 2013].

Наиболее состоятельная группа в основном извлекала доходы от плантаций и внешней торговли. Это ее интересы в целом отражали решения антианглийских групп (визави британских действий) и документы американских конгрессов. Она же составляла подавляющее большинство членов различных выборных органов колоний, а потом и штатов. Любопытно, что доля активов во владении наиболее состоятельного 10-го дециля в США сегодня примерно такая же, что и два с половиной века назад. Экономическая история периода борьбы за независимость США — это, по сути, история объединенных действий элит и состоятельных слоев тринадцати колоний или прото-государства по защите своих настоящих (в обоих смыслах слова) и будущих интересов.

Классика развития экономики Европы — мобильное население и ресурсы, доступ к морю и портам, низкие налоги и бюрократические барьеры — все работало на развитие английских колоний в Америке в течение полутора веков до восстания. Новая Англия была впереди по промышленному развитию, «серединные» колонии (потом штаты Нью-Йорк, Пенсильвания и др.) развивали смешанную экономику и торговлю с метрополией. Юг уже тогда твердо стоял на плантационном сельском хозяйстве и рабской рабочей силе.

Британия и Франция

Таблица 1 (с. 12) показывает соотношение уровней развития Британии, Франции и США и их сравнительную долговую нагрузку в 1788 г. (для США взят чуть более поздний период) — сразу после завершения конфликта в Америке. Для целей данной работы важно заметить тройное превосходство Франции в населении (без учета 4 млн жителей Ирландии как колонии Британии). Этот фактор вскоре сыграет свою критическую роль в период революционных и Наполеоновских войн.

При курсе ливра к фунту стерлингов на уровне 20–21 большинство показателей Франции и Британии становятся сопоставимыми, в частности ВВП на душу населения. Для нас важно, что Франция, конечно, располагала в конце XVIII в. людскими и материальными ресурсами для войн с Англией. С финансовой стороны ситуация была в большой степени неоднозначна. Британия имела в три раза более высокое отношение государственного долга к ВВП, чем Франция (181,6% к 55,6%), но вдвое более высокий сбор налогов к ВВП (12,4% против 6,8%). Впечатляет то, что Британия имела более низкий уровень обслуживания долга (3,8% против 7,5%), что, видимо, указывает на существенно меньшие ставки процента по долгу.

Как мы знаем, кредиторы британского правительства были более терпимы, чем французского, и Франция в 1789 г. была втянута третьим сословием в Великую французскую революцию. Правительство Англии довело дело до восстания колонистов своими неуклюжими попытками поправить свои финансовые дела за их счет. Французская же корона потеряла всё, в частности, из-за громадных расходов на сведение счетов с Англией путем участия в операции по поддержке американских колоний в борьбе за их независимость (см. раздел 4). Однако ни то, ни другое правительство не знали своего будущего в 1778 г., когда Франция вступила в войну.

Франция находилась под влиянием уверенности в удобном моменте для стратегического реванша после проигранной Семилетней войны (1756–1763). В эту войну Великобритания, по сути, одержала над Францией решающую победу за влияние в мире, вытолкнув Францию из Индии и отобрав Канаду — практически лишив ее на время статуса империи. Как пишет выдающийся историк Д. Ливен, соглашаясь с У. Черчиллем, это была первая мировая война [Ливен 2012]. В 1778 г. Франция бросается в борьбу за реванш, отправляя в Северную Америку графа Ж. Решамбо с армией и адмирала Ф. де Грасса с флотом. Англия в борьбе со своими колониями осталась в одиночестве. Например, Испания вступила в войну против нее, а другие страны заняли позицию нейтралитета с долей сочувствия к колонистам.

Таблица 1. Соотношение размеров экономики и долгов Англии, Франции и США в конце XVIII в. (млн нац. валют)

Показатель	Франция, 1788	Британия, 1788	США, 1792-1794
	Ливры	Фунты стерлингов	Доллары
Номинальный ВВП	6977,0	134,8	254,0
Доходы Центрального правительства	472,4	16,78	4,97
Расходы на обслуживание долга	292,2	9,41	3,16
Государственный долг	3877,8	245,10	79,85
Население (млн)	26,596	9,369	4,299
Номинальный ВВП на душу населения	262,3	14,39	59,08
Отношение расходов на обслуживание долга к налоговым поступлениям, %	61,9	56,1	53,5
Отношение долга к номинальному ВВП, %	55,6	181,8	31,4
Отношение налогов к номинальному ВВП, %	6,8	12,4	2,0
Отношение расходов на обслуживание долга к размеру долга, %	7,5	3,8	4,0

Источник: [Weir. P. 98].

Дальнейшие события показали, что хотя Англия обычно способна была переигрывать своего очередного соперника на Европейском континенте с помощью бесконечно меняющихся коалиций, встреча один на один — дело совершенно иное. Впрочем, успешное восстание колонистов Америки стало единственной удачей колоний в борьбе с Великобританией (бурам в Южной Африке и сипаям в Индии это не удалось). Франция же сумела справиться на американской территории с английской армией и флотом. И это несмотря на поддержку Британской империи значительным числом лоялистов и хорошее знакомство с театром военных действий.

Развитие сельского хозяйства на Юге нуждалось в рабочей силе. Как отмечают историки, распространение сервентов, а затем рабства отражало специфику плантационного хозяйства: «...Специфика Вирджинии в XVIII в. состояла в том, что на начальном этапе ее колонизации здесь стала формироваться прослойка крупных землевладельцев, занимавшихся почти исключительно выращиванием табака. Экономика колонии быстро приобрела преимущественно монокультурный плантационный характер. В дальнейшем и в других южных и центральных колониях сложились аналогичные ареалы товарного производства сельскохозяйственных культур: зерна в Нью-Йорке и Пенсильвании, табака в Мэриленде, риса и индиго в Северной и Южной Каролине» [Акимов 2010].

В колониях Новой Англии, напротив, происходило развитие промышленности, в частности судостроительной, имевшей уже международное значение. Считается, что издержки производства в Америке были примерно в два раз ниже, чем в Европе, при хорошем качестве судов [Shannon 1947. P. 90–91]. Источники отмечают, что к 1775 г. 30% судов, которые плавали под британским флагом, сошли с верфей Новой Англии; 75% торговли с ее заморскими владениями обслуживалось кораблями ко-

лоний [Рочестер 1950. С. 47]. Конгломерат колоний при опоре на сельское хозяйство более населенных южных штатов был способен производить значительный объем продукции обрабатывающей промышленности, что, естественно, сказалось на жизненной способности мобилизационной экономики во время Войны за независимость.

Таблица 2. Население США до Гражданской войны, млн чел.

Год	Население	Цвет кожи	
		Белые	Рабы*
1760	1,61		
1770	2,21		
1780	2,78		
1790	3,93	3,17	0,76
1800	5,31	4,31	1,00
1810	7,24	5,86	1,38
1820	9,64	7,87	1,77
1830	12,87	10,54	2,33
1840	17,07	14,20	2,87
1850	23,19	19,55	3,64
1860	31,44	26,9	4,44

* В оригинале — рабы, преимущественно из Африки, но могут быть и белые рабы, особенно до 1780-х гг.

Источник: Bureau of the Census. Historical Statistics of the United States 1789–1945. Series B 13–23. — Population, decennial summary — sex, urban-rural residence, and race: 1790 to 1940. P. 25. Bureau of the Census. Historical Statistics of the United States 1789–1945. Series B 40–47. — Population — nonwhite races: 1790 to 1940. P. 27.

Расширение аграрного производства постепенно увеличивало использование африканских рабов — на момент начала борьбы за независимость их доля в населении страны составляла примерно одну пятую (19%) — самый высокий показатель доли африканского населения вплоть до настоящего дня. Видимо, в рамках «вульгарного материализма» мы можем предположить, что табачные плантаторы Вирджинии (и иные) хотели свободы и защиты от грядущих высоких налогов и вмешательства в торговлю со стороны Британской империи. Но они не могли согласиться на освобождение плантационных рабов, которые обеспечивали их личное благополучие и общественный статус. На 1770 год в четырех южных колониях — Мэриленде, двух Каролинах и Вирджинии — было почти 400 тысяч рабов из 460 тысяч всего в стране. В этих же штатах жило немногим менее половины всего населения колоний. На Вирджинию, родину многих лидеров инсургенции, приходилось более 20% населения, в том числе около 40% рабов². В случае освобождения рабов во время революции экономика южной группы ведущих штатов (и их

² Источник: <https://web.viu.ca/davies/H320/population.colonies.htm>

элит) была бы подорвана. Поэтому мы полагаем, что действия английской короны, задевавшие интересы данных штатов, вызвали достаточно сильное сопротивление. Английская сторона пыталась использовать освобождение рабов в своих целях во время конфликта, после чего последовало частичное их освобождение со стороны повстанцев [Согрин 2013. С. 39]. Идеология независимости, господства права и борьбы за свободу укоренилась, но в южных штатах все это относилось только к свободным гражданам.

История и статистика показывают, что европейские переселенцы с современными технологиями, с относительно малыми налогами, на больших пространствах, без церковных десятин и обязательств (то есть в основном протестанты) были весьма успешны в построении передовой для того времени экономики. Треть судов, задействованных в торговле в Атлантике, были построены в США. А при возможности задействовать значительную массу рабов большие плодородные плантационные пространства были весьма доходны в хорошем климате. Узким местом был рост населения, но эта проблема решалась (см. таблицу 2 на с. 13). Импорт колоний с середины XVIII в. быстро и устойчиво рос, достигая на рубеже 1760–1770-х гг. 4 млн фунтов. Он намного превышал экспорт (как и в современных США), за исключением периода Войны за независимость (см. рисунок 2 на с. 14). Торговля с метрополией после войны быстро возобновилась с большим отрицательным сальдо текущего баланса, но обеспечивала доступ нового государства к инвестиционным товарам.

Рисунок 2. Экспорт и импорт в торговле с Великобританией, 1697–1791 гг., тыс. фунтов

Источник: census.gov/library/publications/1975/compendia/hist_stats_colonial-1970/hist_stats_colonial-1970p2-chZ.pdf

Не пытаясь восстановить макроэкономические параметры развития колоний, можно говорить о заметном росте их благосостояния до развития конфликта.

Надо полагать, что Лондон в лице своих ведомств мог видеть жителей тринадцати колоний как благодетельствованных империей. Отметим также различия в благосостоянии трех групп колоний на 1774 г. по «чистому богатству». Колониальная статистика указывает на большие различия по богатству на душу населения, особенно по совокупной стоимости земли и рабов. В целом колонии Новой Англии (Массачусетс и др.), среднеатлантические (Нью-Йорк, Пенсильвания и др.) и южные (Вирджиния и др.) значительно различались по общему показателю: 32,7, 51,3 и 131,9 фунта стерлингов на душу населения соответственно, исключая рабов. Существенными были различия по стоимости земли: 27,3, 28,8, 55,4 фунта стерлингов на душу. Но основное различие в богатстве возникало по владению рабами и сервентами, соответственно: 0,2; 1,9 и 57,7 фунта на душу населения³. Естественно, это преимущество в богатстве на Юге (при внутреннем неравенстве) было связано со значительными преимуществами в качестве земли и в наличии рабской рабочей силы. Не загромождая изложение статистическими деталями, заметим, что неравенство по доходам в колониях было значительным как между указанными выше группами колоний, так и между социальными слоями внутри самих колоний. Имеющиеся данные указывают, что благосостояние Новой Англии и среднеатлантических колоний на 1774 г. было сопоставимо со средним благосостоянием метрополии, но белые в южных колониях были значительно выше по уровню доходов (при очень высоком внутреннем неравенстве и среди белых тоже) [Lindert, Williamson 1977. P. 41. Table 7].

Южные штаты, конечно, были главными бенефициарами институционального устройства колониального хозяйства в доиндустриальную эпоху. Соответственно, им нужна была свобода от спонтанных налогов империи, свобода морской торговли, но демократия рабовладельцев. Они во многом и играли лидирующую роль в восстании наряду со значительным участием Новой Англии. Через 85 лет — к 1860 г. — южные рабовладельцы останутся богатыми, но с меньшим свободным населением и относительно слабой промышленностью. И их образ жизни в результате гражданской войны и освобождения рабов окажется «унесенным ветром».

Лондон видел различия колоний и тенденцию к росту их доходов, но недооценил их общие интересы и внутренние связи, считая их разрозненными территориями, не отвечающими метрополии адекватной встречной благодарностью — налогами. Лондон попытался закрепить свои владения в Северной Америке, проведя западную границу колоний. Был введен запрет на захват земель за новой границей, что могло в какой-то мере умиротворить индейские племена. Но колонисты уже селились на землях западнее, а многие рассматривали такую возможность на будущее. Одновременно попытки контроля колоний путем введения постоянной армии за счет местных источников финансирования воспринимались колонистами как нарушение сложившейся системы институтов в колониях. Угроза потери свободы хозяйствования совпала с формированием психологии свободы одновременно

³ Источник: US Census Bureau. Bicentennial Edition: Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970. Z 169-191, p.1175. Режим доступа: https://www.census.gov/library/publications/1975/compendia/hist_stats_colonial-1970.html

в разных колониях. В наибольшей степени это относилось к элитам южных аграрных штатов (рабовладельческих до 1865 г.) и Новой Англии.

3. Триггеры восстания

На взгляд из XXI в. британская корона, по сути дела сама, запустила процесс отделения тринадцати колоний путем демонстративного внедрения своего права вводить налоги, размещать армию и вводить ограничения на процесс переселения на Запад [Baack 2001]. Колонисты, по всей видимости, жили уже несколько лучше, чем англичане в среднем. Но комфорт отсутствия навязчивой бюрократии и «пережитков феодализма» был крайне важен и психологически (вполне можно считать это склонностью к свободе), и в части предсказуемости своего будущего социально-политического и финансового положения. Историки отмечают целый ряд разнородных политических событий, подтолкнувших колонистов на путь к восстанию [Kiger 2019]. Мы не будем повторять хронику событий и остановимся очень коротко только на некоторых социально-экономических аспектах этого «кооперативного пути к конфликту», рассчитывая на обращение читателя к работам по политической истории событий⁴. Британская корона хотела утвердить контроль и получать доход, сжимая де-факто свободу предпринимательства и общественной жизни колонистов. Отсутствие доверия и ожидание противодействия — с обеих сторон — привели к подписанию Декларации независимости в 1776 г.

Значительно возросшее вмешательство в дела колоний выглядело так, будто династия Стюартов решила хотя бы в Америке покомандовать по-старому. Выиграв Семилетнюю войну у Франции и отняв у нее Канаду, британское правительство оказалось в долгах. Но оно вознамерилось упорядочить свою большую колонию. В частности, ему пришло в голову разместить 7,5 тысячи солдат в фортах так, чтобы создать фактически западную границу империи в Америке. Но попытка блокировать переселение налогоплательщиков своей страны (но не избирателей) дальше на Запад уже нарушала интересы колонистов, которые двигались на Запад самостоятельно.

Естественно, эта государственная идея потребовала расходов и права на квартирование солдат, то есть вылилась в попытку разместить постоянную колониальную армию, оплаченную колонистами. Вводимые и отменяемые англичанами налоги были небольшими по сравнению с внутрианглийскими (и меньше будущих налогов в отдельном государстве). А вот чутье и неприязнь колониальных элит (плантаторов и торговцев) к такому развитию дел и их прозорливость, пожалуй, были сильно недооценены. Лидеры Палаты общин, по всей видимости, ясно понимали, что новые налоги и постоянная королевская армия — это путь к другим обязанностям верноподданных, но без прав. Лозунг колонистов — «нет налогов без представительства» («no taxation without representation») — гениален по простоте и иллюстрирует естественную связь между политическими и экономическими институтами. Странно, что его не везде применяют и в XXI в.

⁴ <https://www.history.com/news/american-revolution-causes>

Налоги от колоний в казну Британской империи

Выплаченные колониями налоги (см. таблицу 3 на с. 17) составляли на первый взгляд не слишком большую величину, но все равно чувствительную. Но главная проблема состояла в том, что их расходование не было подконтрольно плательщикам. Традиции управления внутри колоний давали определенные права местным собраниям — здесь же налоги вводились парламентом в Лондоне и по мере осложнения отношений становились источником финансирования административно-политического контроля. Можно допустить, что при институциональном статус-кво отношений метрополии с колониями проблем независимости могло и не возникнуть в столь острой форме. Серия действий метрополии основывалась на чувстве «хозяина» и представляла собой сочетание политических вызовов с экономическими ограничениями и налоговым давлением.

Таблица 3. Налоги колоний, выплаченные британской короне до революции (фунты стерлингов)

	Навигационный акт (1673)	Тауншендский закон о доходах (1767)	Сахарный закон (1764, 1766)	Гербовый сбор (1765)
1765	2954		14 091	3292
1766	7373		26 696	
1767	3905	197	33 844	
1768	1160	13202	24 659	
1769	1294	5561	39 938	
1770	1828	2727	30 910	
1771	1446	4675	27 086	
1772	1490	3300	42 570	
1773	2517	2572	39 531	
1774	672	921	27 074	

Источник: US Census Bureau. Tax Collections in America under the Different Revenue Laws: 1765–1774. Z611–615, P. 1200. Режим доступа: https://www.census.gov/library/publications/1975/compendia/hist_stats_colonial-1970.html

С принятием Декларации независимости для обеих сторон возврат к прошлому становился маловероятен и нежелателен. Во время переговоров на одной из стадий развивающегося экономико-правового конфликта (1778) американской стороне, по сути, предложили возврат к статус-кво и даже места в парламенте. Но отношения дошли до точки невозврата по понятным социопсихологическим причинам. Лондон только что победил «весь мир», завоевал Индию и Канаду и никак не рассматривал англоязычные американские колонии как серьезную угрозу. Превращение их в независимое «демократическое герцогство» типа множества европейских образований (разменной монеты мирных договоров после войн) выглядело экзотично и опасно. Создавать прецедент неповиновения колоний в вопросах контроля за морской торговлей и налогами выглядело невозможным для

морской колониальной империи. Можно считать это имперским самомнением. У Британской империи не было друзей, только постоянные интересы и манипулируемые объекты внешней политики в постоянно меняющихся политических раскладах. Нарастающий конфликт с тринадцатью мелкими колониями (с двумя миллионами белого населения) не выглядел серьезной угрозой.

Объединение колоний в единое государство, способное сопротивляться империи, поначалу не выглядело очевидным ожидаемым событием. Первый Континентальный конгресс (1774) запустил процесс организации системы взаимодействия тринадцати разнородных анклавов и формирования единого взгляда на институты. Дух независимости колонистов, столь важный для всех наблюдателей, разумеется, был важнейшим фактором их упорства и победы. Нам важно подчеркнуть, что эти колонии имели одно огромное отличие от всех и подавляющего большинства колоний европейских держав того времени. Все остальные колонии (включая британские) представляли собой европейские «ответвления» (European offshoots), в которых сравнительно небольшие группы европейцев-колонизаторов удерживали военно-политический контроль, сбор налогов и доходы от торговли ключевыми видами товарного экспорта (от специй до кофе). Но их численность относительно местного населения была мала, а метрополии своей мощью, солдатами, флотами и угрозами репрессий обеспечивали безопасность европейцев и некоторый порядок среди них. Только американские колонии достигли критической отметки населения в два миллиона человек (размер современной Словении) и полного превосходства над индейскими племенами — «предыдущими автохтонами». Парадоксально, но Лондон считал необходимым упорядочить отношения с коренным населением Америки, остановить распространение колонистов за Аппалачи — соответствующие ограничения устанавливает Королевская прокламация 1763 г. То есть империя считала полезным дать племенам мир и ощущение права на свою территорию. Тогда как колонисты считали ее своей по мере того, что удалось освоить, заселить, защитить в конфликтах и в будущем захватить. Это происходило за 40 лет до покупки Луизианы размером в четверть континента и последующего быстрого захвата или покупки всей территории современных США до Тихого океана.

Англия имела население порядка 9 млн (плюс 4 млн в Ирландии), а в качестве солдат использовала также гессенских наемников. Как потом оказалось, корона была во многом способна вести эту необычную для нее войну за океаном, так что эта война тянулась с переменным успехом примерно четыре года. И только вмешательство Франции превратило колониальную войну с сильным компонентом гражданской войны в гибридную межимпериалистическую войну с сильным компонентом гражданской войны.

И все же не высокие налоги и бюрократические происки привели к консолидации разнородных колоний на борьбу за независимость. Вопрос о лоялистах, сконцентрированных, видимо, в значительной мере в «средних штатах» (между Новой Англией и Вирджинией), носит во многом экономический характер. Штаты в целом поддерживали борьбу за независимость. Но часть жителей больших торговых городов Нью-Йорка (включая голландскую общину) и Пенсильвании (включая

немецкую общину) могли опасаться доминирования англосаксов после победы. Порядка 18% населения оказались лоялистами, 20 тысяч человек воевали за империю, 80 тысяч человек покинули свою страну, ставшую независимой. Победители лоялистов преследовали, изгоняли, конфисковали активы. Огромные владения лоялистских лендлордов, в частности семейства Пеннов в Пенсильвании, семейства Балтиморов в Мэриленде и Ферфаксов в Вирджинии, были изъяты. Они не были розданы бедным, а перешли на различные нужды штатов, а в итоге — в руки кланов победителей [Согрин 2013. С. 30–32].

Готовность колонистов сражаться до конца с империей вытекала из целого ряда целей и ограничений. Примем за главное желание свободы и экономической самостоятельности. Но далее представим себе последствия вполне возможного поражения. Для начала — несколько казней, тюрьма и высылка лидеров. Далее установление налогов, контроля над хозяйственной деятельностью, особенно в сфере морской торговли, усиление контроля (и коррупции) английскими чиновниками. Преимущество низких бюрократических и налоговых издержек ведения бизнеса было бы потеряно, а захват территорий на Западе вскоре бы возобновила сама империя. Ну а лоялисты типа Балтиморов и Ферфаксов заняли бы место отцов конституции в американской истории.

Применение английских законов изменило бы ход истории по крайней мере в части рабства на Юге, которое прекратило бы свое существование на полвека раньше. Соответственно, не было бы столь интенсивного развития хлопкового хозяйства на базе рабского труда. Победа лидеров движения — «вирджинцев» — в Войне за независимость усилила политический контроль Юга (де-факто право вето) на долгие десятилетия. Даже когда Новая Англия и Нью-Йорк переросли Юг по численности населения, промышленной и финансовой мощи, все равно потребовалась трехлетняя гражданская война, чтобы вернуться на общечеловеческие моральные (и экономические) пути.

Нам представляется, что упор историков и политологов на природное свободомыслие колонистов с самого начала борьбы за независимость — это развитие легенды, пусть и очень правильное с точки зрения закрепления культурных кодов. Точно так же предпринимательство было не только и не столько в генах англичан, а также немцев в Пенсильвании и голландцев в Нью-Йорке. Освоение американской «целины» непрерывным потоком жителей империи в колониальный период происходило вдали от налаженного феодального, налогового и административного контроля метрополии. Слабое давление на население и предпринимателей формировало среду и привычку — новые культурные коды. Суть действительно в резком сокращении феодальных и бюрократических (институциональных) издержек ведения хозяйства на новых землях британской короны. Вначале этим воспользовались большие аграрные поместья (выращивающие табак, пшеницу, рис и индиго), которые опирались на труд сервентов и рабов и были весьма далеки и от инклюзивности, и от инноваций. Понятно, что устойчивая тяга к предпринимательству относится лишь к белым и свободным. Освобожденные по истечении своих контрактов сервенты также попадали в значительно более «свободную» страну и с большими возможностями, чем на суровых Британских островах.

Отдельной интересной темой в истории с новыми налогами является знаменитое «Бостонское чаепитие»: колонисты посредством атаки на чайные суда предотвратили потери от конкуренции со знаменитой Ост-Индской компанией, которая оперировала в Индии и Китае (торгуя чаем и опиум). В рассматриваемый период у нее были финансовые трудности в Лондоне при весьма высокопоставленных держателях акций, то есть получателях дивидендов. Компания пыталась с разрешения Лондона ввести в Америку излишний чай при символическом налоге дешевле поставок от местных торговцев [Римини 2019. С. 54]. Эта «Чайная глобализация» (объединявшая Фуджоу, Лондон и теперь и Бостон) стала одним из факторов восстания экономных и свободолюбивых американцев⁵. Колонисты отлично понимали экономику чайного бизнеса: переодевшись в индейцев и пробравшись на суда, они сбросили в воду 234 ящика чая. Ост-Индская компания понесла большие убытки, что не усилило любовь британской элиты (акционеров компании) к американцам.

Американцы утратили доверие как в плане отношений с метрополией, так и в личном плане — «государственная измена» прощается очень редко, а империями практически никогда (можно вспомнить судьбу мятежного римского легиона на Сицилии во время Пунических войн). Но самое главное — новые элиты вкусили первые плоды от борьбы — плоды власти. От них невозможно отказаться, а для закрепления у власти новой элите надо отделиться, легитимизироваться и демократически избраться как героям. Противники независимости были «эмигрированы», их имущество (имения) национализированы и приватизированы в пользу победителей. Первые пять президентов США, с точки зрения короны, были главарями мятежников, которых пришлось признать. Даже пятый президент — Джеймс Монро (1758 г.р.), который руководил США до 1825 г., успел повоевать против Англии. Ему принадлежит знаменитая доктрина Монро о противодействии вмешательству европейских держав в дела всей Америки. Таким образом, ветераны революции контролировали государственное управление целых полвека, считая от Декларации независимости. Институты нового государства создавались не только Конституцией, но и потоком законов и регулятивных актов, а главное — практикой. В отличие от многих трансформационных переходов (в той же Франции), в США удалось обеспечить преемственность и устойчивость институтов, не допустить значительных кризисов развития, вплоть до Гражданской войны 1860-х гг., почти целый век.

4. Фактор Франции

Усилиями Бенджамина Франклина, Пьера Бомарше и других политиков и посредников колониальная война Британской империи против восставших колонистов в Америке превратилась в войну межимпериалистическую. Роль Б. Франклина в заключении союза колоний с Францией, пропаганде антианглийских настроений и продвижении поставок вооружений в США невозможно переоценить. Л. Фейхтвангер так комментирует в своем романе его роль от имени одного из придворных короля Луи: «Доктор Франклин... не тщеславен в обычном смысле слова. Мы...

⁵ См. подробности в [Григорьев, Морозкина 2021. С. 61–72].

к примеру, не могли бы себе отказать в посещении Салона, если там производит фурор наш портрет. Тщеславие Франклина — более высокого свойства. У него, так сказать, спортивное честолюбие, страсть к труднейшим экспериментам. Создание в наш век жизнеспособной республики — тоже в конечном счете труднейший эксперимент» [Фейхтвангер 1959. С. 464].

Общий период конфликта колонистов с империей протянулся семь лет: с 1776 по 1783 г. Франция вступила в войну только в 1778 г. Армия и флот достигли театра войны в 1780 г., а на исход войны в пользу американских колоний они оказали влияние осенью 1781 г. Помимо собственно военных действий, французы вынуждены были еще и финансово помогать своим союзникам. Так, в начале сентября 1781 г. командующий французской армией граф Ж.-Б. де Рошамбо ссудил Вашингтону полмиллиона пиастров на выплату жалованья взбунтовавшимся солдатам его армии. А через шесть недель исход Войны за независимость фактически был решен победой коалиции американских и французских войск под Йорктауном.

Снабжение Францией американских войск и роль П. Бомарше

Писатель П. Бомарше совмещал прогрессивные взгляды с работой в качестве агента (а по-современному — консультанта по труднорешаемым вопросам) французского двора. Он стал великим драматургом для всего мира и роковой фигурой для Британской империи. Считается, что монолог Фигаро насчет того, что для выживания в феодальной среде ему понадобилось больше искусства, чем для управления обеими Индиями, стал интеллектуальным прорывом из-под феодального контроля над умами. Поставленная Бомарше 27 апреля 1784 г. на сцене «Комеди Франсез» «Женитьба Фигаро» стала интеллектуальной прелюдией к революции и признанием равенства граждан. А ранее Бомарше написал своему сюзеру записку о необходимости помогать восставшим колониям против Англии.

Причины участия французской короны в борьбе английских колоний за независимость в общем понятны: соперничество, месть и выгода. Роль генерала Р. Клайва в захвате Индии прекрасно понимают на родине героя — его памятник стоит в Лондоне совсем недалеко от монумента адмиралу Г. Нельсону. С его победы с несколькими сотнями англичан под Плесси в Бенгалии (23 июня 1757 г.) началась эпоха завоевания Индии. Он управлял ею от лица Ост-Индской компании и заложил основы английского контроля на Индийском субконтиненте на следующие 200 лет. Далее французы в Семилетней войне 1756–1763 гг. потеряли Канаду — было из-за чего впасть в «имперскую колониальную месть».

Экономика поставок вооружений из Франции в США осуществлялась типичным путем — сначала Бомарше на свои деньги организовал компанию под испанским названием «Родриго Горталез и К°» и поставлял пушки в обмен на табак. Фактически он организовал секретное снабжение колоний, провозгласивших Декларацию независимости в 1776 г., еще за пару лет до объявления Францией войны Великобритании в 1778 г. Помощь, полученная американскими колониями при содействии Бомарше и его визави, американского купца и политика С. Дина, была весьма значительной. Из Франции за океан ушло обмундирование для 20 тысяч солдат, 30 тысяч мушкетов, 200 пушек, 2000 бочек пороха и т.д. (точные данные поставок, по источникам, расходятся в деталях, не влияющих на суть дела) [Clarke 2018. Р. 201].

Сама война закончилась Парижским миром 1783 г. с отказом Британии от притязаний на США. А военные действия завершились победой при Йорктауне двух армий: американской под предводительством Вашингтона (8 тысяч солдат и 3 тысячи ополченцев) и французской (порядка 7 тысяч) во главе с графом де Рошамбо. Надо учесть и вклад французского флота во главе с адмиралом де Грассом, который нанес поражение британской эскадре Худа, которая направилась к Нью-Йорку. Французский флот (5 тысяч морской пехоты) блокировал англичан (8 тысяч) и лоялистов (9 тысяч) с моря. Мощные английские флот и армия оказались в Нью-Йорке в это время, и дело британцев на юге было безнадежно.

Для наших целей важно, что в решающей битве мы видим две пары сил. Во-первых, столкновение двух армий жителей Америки: большинство — борцы за независимость, но довольно заметные силы — лоялисты. Во-вторых, армий двух империй, воюющих между собой в колонии. Американцы и французы стратегически переиграли англичан, имитировав поход на Нью-Йорк, а сами ушли на юг к Йорктауну, в котором флот де Грасса блокировал армию английских колонизаторов и лоялистов, поймав их в ловушку.

Английская элита к моменту капитуляции целой армии устала, король был слаб, парламент сразу сменил премьер-министра, а потом решил избавиться от расходов на борьбу с колонистами. Англия могла это себе позволить — разворачивалась колониальная эпопея в Индии. Наши исторические наблюдения указывают на то, что попытки колоний отделиться от великих европейских держав (в особенности Великобритании) случались не раз за последние четыре века. До периода активной борьбы с колониализмом во второй половине XX в. было по крайней мере три страны, активно сражавшихся с Британской империей за свободу: Ирландия, Индия и южноафриканские республики. Ни одна из них не достигла бы успеха. Без непосредственного участия другой империи — Королевства Франция — Война за независимость могла затянуться надолго.

Цена войны в Америке для Франции

Франция потратила на месть англичанам, защиту свободы чужих колоний и распространение демократии больше, чем объективно могла в своем финансовом и социально-экономическом состоянии. Финансовый кризис внутри Франции продолжал развиваться в увязке с помощью восставшим английским колониям: в 1780 г. было учтено 62,5 млн ливров «экстраординарных военных расходов» [Аллен 2014. С. 202]. К 1787 г. общие долги короны исчислялись уже в пределах 500–600 млн ливров. США свои долги королевской Франции, независимо от того, были они формальными или джентльменскими, не платили не только потому, что не располагали ресурсами, но и в связи с тем, что до определенного момента не имели прав на сбор налогов.

Конфликт между европейскими странами, как нередко происходило и потом, пошел на пользу США. Как пишет Р. Аллен: «Во Франции в XVIII веке собственность была защищена достаточно хорошо, чтобы атлантические порты могли бурно развиваться благодаря межконтинентальной торговле. <...> Возможно, проголосовав за увеличение налогов, Франция

оказалась бы более успешна в борьбе за власть над морями и смогла бы увеличить свою империю, а не потерять ее» [Аллен 2014. С. 190]. Таким образом, Франция оказалась в ловушке межимпериалистического соперничества, мести за проигрыш предыдущей войны и надежды потеснить Англию в международной торговле. Король Людовик XVI сначала потерял контроль над финансами, а потом и корону. Дальше были реформы, победы Наполеона Бонапарта и последующий крах одного из гегемонов Европы – объективно в пользу двух англосаксонских государств.

Вслед за восстанием в Северной Америке в течение нескольких десятилетий последовало довольно быстрое сжатие остатков континентальных колоний Франции, ликвидация испанских колоний и освобождение Бразилии от Португалии. Император Наполеон не мог удержать Луизиану, прежде просто отнятую у испанской короны, и, можно сказать, «недорого продал награбленное» заинтересованным соседям. США смогли в значительной мере унаследовать земли, выпавшие из ослабевших рук феодальных конкурентов Британской империи: Испании и Франции.

Американские колонии, успешно завершив восстание, для начала перестали платить налоги британской короне. Американские власти не могли платить адекватную зарплату солдатам, так что готовы были представлять главный стартовый ресурс — землю, для чего были созданы специальные территории (всего за службу раздали порядка миллиона акров). Финансирование Войны за независимость шло весьма сложно. Поставки вооружений (21 млн ливров) от компании Бомарше оплачивались табаком [O'Brien, Keyder 1978. P. 47. Table A-5]. Потом брали в долг у Франции, Испании, частных голландских банкиров. В конечном итоге повстанцы печатали деньги, как делал бы всякий на их месте. Проблема налогов была непростой политически, поскольку восстание шло под лозунгами борьбы с несправедливыми налогами британской короны. В дальнейшем налоги пришлось вводить с 1789 г. Они будут выше старых английских. Американское правительство должно было управлять долгом и выплачивать его, хотя изначально не имело права вводить налоги. Участие многих европейцев лично, их правительств и банкиров показывает косвенно, как мало было друзей в Европе у Британской империи. Частные займы в Голландии помогли урегулировать долги испанскому правительству. Долговые отношения с Францией были урегулированы (через частный выкуп американским финансистом Дж. Сваном) только в 1795 г., что уже не могло помочь королевскому бюджету. Свободные США быстро перешли к торговле с бывшей метрополией, ибо бизнес есть бизнес, так что англичане оказались в определенном выигрыше от нового формата взаимоотношений как экспортеры.

Заключение

Новая республика, которая гордилась своей антифеодальной сутью, родилась от осознания своей идентичности, а также с большой помощью короля Франции Людовика XVI — можно сказать, в костре межимпериалистических противоречий.

Южные штаты хотели одновременно свободы и рабства, Новая Англия — только свободы. А лоялисты — порядка 80 тысяч колонистов, которые ранее чувствовали себя комфортно в империи, в частности важные элементы богатого купечества Бостона и Нью-Йорка, часть населения среднеатлантических штатов, после победы колоний покинули территорию США, отправившись в Канаду, на Багамы и в Англию [Brewminate 2020].

Декларация независимости была огромным шагом вперед для своего времени, но не признала права коренного населения и сохранила рабство ради единства колоний в борьбе с империей. Спустя век это привело к Гражданской войне, а некоторые социальные проблемы, унаследованные с тех пор, не могут быть полностью решены и по сей день. Но выдающееся событие — борьба за независимость — создало новую страну, преуспевающую в течение следующих 250 лет.

Процветание тринадцати американских колоний до 1760-х годов основывалось на низких издержках пребывания в империи (низкие налоги, невмешательство Лондона). Ресурсы (особенно земельные) богатого континента против европейского «голода» (феодалных ограничений) обеспечивали приток оптимистично настроенных переселенцев, становящихся новыми хозяевами американской земли при слабом сопротивлении разреженного индейского населения. Нехватка рабочей силы на плантациях привела к созданию системы контрактных белых рабов, которая потом обеспечила последующий ввоз и эксплуатацию масс африканских рабов с «бессрочным контрактом». Удивительным является то, что система рабства создавалась христианами-протестантами и эволюционировала от белых к африканским рабам в век Просвещения, будучи сохранена потом в прогрессивной Конституции США. Новый общественный договор и установка на самоуправление не включали индейцев и африканцев и не исключали рабства белых. Так, были закреплены юридически (до 1865) культурные коды, которые не вполне изжиты и до сих пор.

Перелом в отношениях Британской империи с американскими колониями произошел после победы Великобритании в Семилетней войне 1756–1763 гг. Чрезмерно расширяющаяся империя пыталась решить проблемы «освоения» вновь приобретенных активов. Приобретение Канады и долги военных лет побудили Лондон изменить политику в американских колониях, разместив там армию и переведа издержки управления ими на счет колонистов.

С момента подписания Декларации независимости 1776 г. восставшие элиты вынуждены были идти до конца, или их бы вывели из игры (во всяком случае, они были в этом уверены) так же, как они после победы «раскулачили» лоялистов Пеннов, Балтиморов и Ферфаксов. Поскольку у Лондона в мыслях не было возможности проигрыша войны колонистам (такого не бывало ни до, ни после!), то он сделал ряд шагов, которые привели к усилению повстанческого движения, основанного на принципах свободы и независимости (не касающихся, впрочем, рабов и индейцев). Эти шаги консолидировали раздражение и создали у колонистов ожидание худшего в случае поражения. Война зашла в тупик и тянулась четыре года, во время которых компания Бомарше снабжала колонии оружием и припасами. Перелом был вызван прибытием значительной французской армии

(граф Рошамбо) и флота (адмирал де Грасс), которые сыграли важнейшую роль в главной победе Вашингтона под Йорктауном. Фактически редчайший случай успешного вооруженного восстания населения колоний против империи был обеспечен сложной комбинацией гражданской и империалистической войн.

Финансирование Войны за независимость шло весьма сложно. Повстанцы выпускали свои деньги и занимали в долг (закрытый только в 1795 г. частным лицом). Французская армия фактически была оплачена из скудеющей французской казны незадолго до революции. США же оплатили участие в борьбе ветеранам в «римском стиле» — землей, ранее принадлежавшей индейским племенам. Россия мудро уклонилась от помощи Англии и реализовала концепцию «вооруженного нейтралитета», который давал ей (и другим странам) возможность торговать с американскими колонистами. Декларация о вооруженном нейтралитете была подписана Екатериной II 28 февраля 1780 г. (10 марта по новому стилю). Это было сделано для стабилизации морской торговли, защиты русских и других нейтральных судов от морских грабежей, главными зачинщиками которых были Англия, Франция и Испания. Данные события происходили в период Войны за независимость в Северной Америке и стали прямым следствием переноса военных действий на море.

Итоги войны открыли дорогу к бурному экономическому развитию, постепенному приобретению США (посредством покупки или захвата) большей части Североамериканского континента. Развитие торговли, массовой иммиграции после достижения независимости этому развитию способствовали. Представители рабовладельческой Вирджинии стали четверть из пяти первых президентов США. Пятым был Дж. Адамс — второй президент — представитель Новой Англии и также участник восстания. Победители удерживали пост президента до 1825 г. Только в 1862–1865 гг. рабовладельческие институты были побеждены в Гражданской войне Конфедерации десяти южных штатов с остальной страной.

Если бы революция во Франции произошла раньше, она вынула бы из военного уравнения французскую армию и флот, что, вероятно, затянуло бы войну надолго. Могло случиться и поражение колонистов, приведшее, скажем, к разделу колоний (с выделением Юга) или «ирландскому» варианту с частыми конфликтами и конечной победой колонистов. Краткосрочные последствия такого поражения выглядят более очевидными: большие затруднения при покупке и захвате земель на Западе; менее интенсивная иммиграция. Отказ от рабовладения мог произойти, как в остальных ведущих странах, в начале XIX в. Грандиозное хлопковое хозяйство на Юге в таком случае либо не состоялось бы, либо развивалось бы намного более «скромно». Мировая торговля развивалась бы существенно иначе. Но, наверное, не было бы Гражданской войны в США 1860-х гг. с ее миллионом погибших.

Библиография

Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII вв. Очерк сравнительной истории колонизации. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. 372 с.

Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Григорьев Л.М., Морозкина А.К. Успешная неустойчивая индустриализация мира: 1880–1913. М.: Нестор – История, 2021.

Ливен Д. Россия и европейские великие державы: Семилетняя война в глобальном контексте // Величие и язвы Российской империи. М.: Регнум, 2012.

Римини Р. Краткая история США. М.: Азбука-Аттикус, 2019.

Рочестер А. Американский капитализм, 1607–1800. М., 1950.

Согрин В.В. Политическая история США. М.: Весь мир, 2011.

Согрин В.В. Центральные проблемы истории США. М.: Весь мир, 2013.

Фейхтвангер Л. Лисы в винограднике. М.: Художественная литература, 1959.

Baack B. The Economics of the American Revolutionary War. 2001. Режим доступа: <https://eh.net/encyclopedia/the-economics-of-the-american-revolutionary-war/>

Brewminate. Loyalists: Colonists Faithful to the Crown during the American Revolution. 2020. 28 Oct. Режим доступа: <https://brewminate.com/loyalists-colonists-faithful-to-the-crown-during-the-american-revolution/>

Clarke S. The French Revolution & What Went Wrong. London: Penguin, 2018.

Denevan M.W. Pristine Myth: The Landscape of Americas in 1492 // Annals of the Association of American Geographers. 1992. Vol. 82. No 3. P. 369–385.

Galenson D. The Rise and Fall of Indentured Servitude in the Americas: An Economic Analysis // The Journal of Economic History. 1984. Vol. 44. Issue 1. P. 1–26.

Hallwood P., Ponivas A. A New Economic Analysis of the American Revolution // OpenCommons@UConn. Economic working papers – February 2009. University of Connecticut, 2009.

Kiger P.J. 7 Events That Enraged Colonists and Led to the American Revolution. 2019. 20 Aug. Режим доступа: <https://www.history.com/news/american-revolution-causes>

Lindert P.H., Williamson J.G. American Colonial Incomes 1650–1774 // NBER WP No19681. 1977.

Main J.T. The Social Structure of the Revolutionary America. Princeton, 1965.

O'Brien P., Keyder C. Economic growth in Britain and France 1780–1914. Routledge Revivals, 1978.

Shannon F.A. America's Economic Growth. N. Y., 1947.

The General Report. Whites Were the First Slaves in America. 2013. 26 May. Режим доступа: <https://thegeneralreport.wordpress.com/2013/05/26/whites-were-the-first-slaves-in-america/>

Weir D.R. Tontines, Public Finance, and Revolution in France and England, 1688–1789 // The Journal of Economic History. 1989. Vol. 49. No 1. March. P. 95–124.